

Стасс Бабицкий

Театральны́й маньяк

Стасс Бабицкий
Театральный маньяк

«Книжное издательство Бабицкого»

Бабицкий С.

Театральный маньяк / С. Бабицкий — «Книжное издательство Бабицкого»,

ISBN 978-5-44-747515-4

Пересказывать краткое содержание детективов — занятие довольно бессмысленное. Кому будет интересно читать, если заранее предупредить: убийца — шофер?! Но убийство будет, разумеется. И не одно, здесь же сразу три детективных истории. В остальном позвольте сохранить интригу. Приятного чтения!

ISBN 978-5-44-747515-4

© Бабицкий С.
© Книжное издательство Бабицкого

Содержание

Предисловие	5
Театральный маньяк	7
Конец ознакомительного фрагмента.	16

Стасс Бабицкий

Театральный маньяк

Предисловие

Мы с Анной Литвиновой любим читать первые, начальные работы авторов, работающих в нашем жанре: детектива, авантюрного, приключенческого романа. Очень хочется, помимо прочего, почувствовать себя в шкуре Некрасова, который, как вы знаете, прибежал к Белинскому, прочитавши рукопись «Бедных людей», с восторженным криком: «Новый Гоголь явился!»

Конечно, мы далеко не Некрасовы и совсем не Белинские. Да и не очень понятно, ЧТО следует, в случае несомненной удачи прочитанной рукописи, кричать? Явился-то явился – но кто? Ведь в нашей литературе, безусловно богатой на имена великих прозаиков (больше того, ломящейся от них), ощущается явная нехватка писателей жанровых. И если у фантастов имеется хотя бы один маяк-идеал, в лице великолепных и прекрасных братьев Стругацких, то у детективщиков подобного светоча в отечественной литературе, увы (на наш скромный взгляд), не случилось. «Кортик» и «Бронзовая птица» – блистательные приключенческие романы, но Анатолий Рыбаков все-таки вошел в историю и массовое сознание своей эпопеей «Дети Арбата». И автор «Двух капитанов» Каверин тоже, скорее, проходит по ведомству большой литературы. А кто ещё? При всем громадном уважении, для крика «Новый такой-то явился!» – не дотягивают ни Николай Леонов, ни братья Вайнеры. Не случайно даже издатели, знающие толк в рекламе, когда им надо уподобить кому-то новую современную звезду жанра, выбирают всё больше иноземные критерии: «Новая Агата Кристи!» Или: «Русский Сидни Шелдон!»

Поэтому о Стассе Бабицком проще сказать, с несомненным восклицательным знаком, но безо всяких сравнений. Просто – явился. Явился новый мастер. И мастер именно нашего, приключенческого, авантюрного направления.

Ведь что важнее всего в остром жанре – да и в литературе вообще? Чтобы было интересно. Чтобы не хотелось откладывать книгу. Чтобы страницы так и листались, а ты забывал о времени. Произведения Бабицкого именно этим, безусловно, прекрасным свойством обладают.

Построить, завернуть острый и неожиданный сюжет – главная задача для детективщика, и Стасс его конструирует виртуозно. А умение развязать происходящее неожиданной концовкой – вообще высший пилотаж, но Бабицкому и это по силам. Даже нам, в чтении детективов искушенным, было непросто заранее угадать, чем у него кончится дело.

И ещё пара обстоятельств, невольно привлекающих внимание к книге Стасса. В мире (как и в литературе) в последнее время встречаются персоны, всё больше, неприятные – но не так с героями сборника, что предлагается вашему вниманию. Главные его персонажи – очень симпатичные (даже когда, бывает, творят они нечто незаконное). И автор любит своих героев, что важно для любого писателя, а для того, кто работает в приключенческом жанре, просто необходимо.

Автор книги, что предлагается вашему вниманию, – известный журналист. И это чувствуется – но не в смысле поспешности или верхоглядства, коими, порой, отличается «репортерская проза». Нет, в данном случае речь идет о том, что писатель знает жизнь, в разных её проявлениях. Ему внятны не только мысли, переживания и бэкграунд героя, который трудится в редакции (что естественно), но и, к примеру, артиста или работника полиции. Вовлеченность

автора в жизнь и судьбу героев, а также в те перипетии, в которых они оказываются, невольно передаются читателю.

Словом, с чистым сердцем и от всей души мы можем порекомендовать вам первую книгу нового, интересного и интригующего писателя – Стасса Бабицкого. Новый автор явился!

*Сергей Литвинов,
автор детективных романов*

Театральный маньяк

Вот попадется стандартному обывателю в кроссворде задание по горизонтали (даже если по вертикали, не суть): «неожиданный крах, позорный провал, бывает также полным». Шесть букв, вторая – И. Сразу шок, недоумение: ох, какие слова в газетах печатают, совсем стыд потеряли...

Но люди из культурной среды, не нам чета, – музыканты, писатели и, в первую очередь, актеры, – те сразу догадываются: речь идет о фиаско. В их культурной среде это звучит обиднее, чем предполагаемое обывателем ругательство. Особенно, когда бывает полным.

А режиссер заявил:

– Это полное фиаско!

Три недели спокойно наблюдал за репетициями из седьмого ряда партера. Благодушно кивал. Глаза мечтательно закатывал от удовольствия. Все получалось, как он задумал. И вдруг...

– Коля, ну кто так душил?! – режиссер поскреб бородку. Плохой признак. Давно замечено, если Цукатов раздражен, то его охватывает какой-то непонятный зуд. Сначала он чешет свою претенциозную эспаньолку, дальше переходит на шею, потом на правое плечо, локоть, запястье. При этом так же, по нарастающей, заводится. Повышает голос. И, пожалуйста: истерика.

– У нас тут что, ярмарочный балаган? Курортная халтурка? Весь вечер поет и пляшет Коля Копейкин? Ты Николай Рублев! Актерище! Тебе дали шанс сыграть главную роль в лучшем театре Москвы! Шекспира сыграть!!! А ты даже бабу задушить не можешь.

Актер тербил завязки венецианского камзола и покрывался красными пятнами. Грим скрыл бы реакцию, но модный режиссер Цукатов любил театральные эксперименты. По его задумке Отелло – белый, а под мавра раскрасили Яго. С первых минут показать зрителю, кто главный злодей. Черная душа, типа. Однако в остальном от классики отходить запрещалось.

– В этой сцене нужен зверь! – все больше распялялся постановщик. – Отелло не в силах совладать со своими страстями. Он коктейль Б-52, в котором слоями гнев, ревность и обида. Горит. Пылает!!! А ты мне наливаешь кока-колу, да еще и диетическую. Пузырьки щекочут нос и все.

Цукатов взбежал на сцену по трем ступенькам. Рывкнул: «Шлюха!» на привставшую с ложа Дездемону – та аж расплакалась от неожиданности.

– Вот что ты должен показать, понял? Крик! Рев! Чтобы проснулось дикое, долго скрывавшееся внутри. С чем даже великий полководец Отелло не справился. Представляешь, насколько сильное чувство должно быть? Пробуди в себе мавра. Дай мне зверя. Льва! А то сошло в ТЮЗ, будешь там Бонифация играть.

Дальше Рублев не слушал. Бубнеж и всхлипы слились в крутящийся водоворот, куда и ухнуло его сознание. Нет, он не упал – тело продолжало угодливо кивать там, на сцене. Но разум требовал перезагрузки.

Актером Коля был не сказать, чтоб известным. К тридцати годам за плечами пара дешевеньких фильмов, три ярких сериала: мистический, детективный и про войну, конечно. Очень уж ему шла форма – не важно, солдат, летчик, полицейский. Театральное амплуа давно обозначено: герой-любовник. И в этом спектакле Рублев хотел сыграть Кассио – самое то: загар, мускулы, легкая небритость, – но вмешалась супруга Лана и с высоты своего опыта (годами постарше, да и фильмография у нее солиднее) покрутила пальцем у виска. Дурачок, только Отелло. Главная роль, афиши, интервью на ТВ. Шанс! Вся Москва придет посмотреть на белого мавра. Цукатов, конечно, тиран и изверг, сама у него на двух постановках мучилась. Зато карьера в гору – деньги в семью!

В тот же вечер Лана пригласила режиссера к ним на ужин. Мило щебетала, смеялась над банальными остротами. Даже не обиделась, когда тиран и изверг назвал ее Светочкой. Хотя свое имя по паспорту ненавидела с детства. Под занавес – а вся жизнь театр, ведь так?! – использовала главный козырь: глубокий грудной голос. С придыханием. Пошла проводить гостя до машины. Вернулась, муж домывал посуду. Достала с книжной полки томик Шекспира:

– Учи текст, Колюня! Роль твоя.

Тут он был мастер. Запоминал самые сложные стихи если не с первого, то со второго прочтения. Важное свойство для актера. Помогало в театральном институте сдавать экзамены. Трудности возникали только на занятиях, где учили искусству переживания. Учили? Скорее ковыряли старые раны, бередили чувства. Выволакивали сокровенные воспоминания, как дворняжек на живодерню. Оголяли каждый нерв и припечатывали: а теперь зафиксируй состояние. Вот тебе красная кнопка: нажмешь на нее мысленно, когда потребуется на сцене слезы лить. А эта, зеленая – для смеха. Искренне рассмеяться по заказу не менее сложно, чем заплакать. Таких рычагов у любого актера десятки, а у великих мастеров – сотни, чтобы снова и снова эксплуатировать свои эмоции. Пережитое. Перемолотое. Система Станиславского похожа на пульт для запуска межконтинентальных боеголовок. Э, нет, слишком мрачно. Подберем мирное сравнение: диджейский пульт в ночном клубе. Там тоже рычаги, тумблеры и эти, как их... А, да, микшеры. Разноцветные...

Хотя при чем здесь клуб? При том, оказывается. Репетиция давно кончилась, а ночь только начинается. Коллеги затащили его сюда, отпаивают чем-то нереально крепким. Выбрось, брат, мрачные мысли из головы!

Не получается. Мало кнопок на его внутреннем пульте. На весь образ мавра не хватает. Воинственность? Пожалуйста. Достаточно вспомнить ту драку с хулиганами, когда один против троих и нельзя отступать. Глубину трагедии показать? Извольте. Похороны младшей сестрички. Врожденный порок сердца. Сколько тогда было Коле? Лет семь? Рыдал навзрыд, есть не мог неделю. До сих пор при воспоминании об угасающем ангелочке глаза превращаются в водопады. Возможно, со временем этот образ сотрется, перестанет эффективно выжимать слезу. Но пока работает.

А с ревностью не получается. Чтоб кипела и клокотала, доводя до убийства. Как у Вильяма нашего... *«Восстань из бездны, ужас черной мести! Отдай, любовь, престол свой и венец слепой вражде! Распухни, грудь, от груза змеиных жал!»*

Рублеву подобное чувство было не знакомо. Ревнуют те, кто боится потерять. Он не из таких. Фактурный, высокий. Карие глаза, пронзительные и страстные. В них, словно в бокалах коньяка (кстати, да, еще!) таилось что-то взрывоопасное. Девчонки падали к ногам спелыми яблочками. Актер же ни один из этих романов не воспринимал всерьез. Половина однокурсниц в качестве главного эмоционального раздражителя до сих пор вспоминали, как Коля их бросил. После чего могли достоверно сыграть гнев, тоску, отчаяние, ненависть и унижение. Собственно, все, что нужно женщинам-актрисам в современных «мыльных операх». Выходит, он открыл им дорогу к лучшим ролям... Практически, Рублевское шоссе!

Почему шоссе? А, просто он ушел из клуба и движется – относительно прямо, – по незнакомой улице. Фонари не горят, попутных машин нет. Видимо, по пути домой свернул не туда и забрел в какую-то промзону. На пентхаус в центре пока не накопил, увы. Хотя двушка в районе Останкинской телебашни, купленная на совместно заработанные деньги... Да-да, вы правы: в основном на деньги жены. Доходов Коли хватило бы только на полкухни и жалюзи из бамбука для лоджии. Но сейчас не это важно. Сейчас надо включить внутренний автопилот и добраться до дома. Тем более телефон давно разрядился: ни карту загрузить, ни такси вызвать. А вокруг темень, как у Отелло в...

Вот опять из подсознания лезет. И в пьяном полузабытии не отдохнуть от мавра. Во время нападок режиссера рот Рублева стянула оскомины, будто от незрелой смородины. Поэтому он ничего не сказал. А в гримерке начал ругаться.

– Плюнь, Коля, – седовласый актер смыл сценический грим и накладывал новый, без которого не выходил на улицу. Вдруг там поклонницы или, еще лучше – папарацци. Нельзя выглядеть морщинистым динозавром, даже если ты такой и есть.

– Прав Цукатов, на двести процентов прав. Не потяну я мавританского льва, Василич! – Рублев метался и размахивал руками, преломляясь сразу в нескольких зеркалах. – Я лучше откажусь, пока не опозорился! Не по Хуану сомбреро!

– Глупости, – старик поправил узел галстука, на минуточку – двойной виндзорский! – и смахнул пылинку с лацкана пиджака. Привычно-простым и вместе с тем вполне изысканным жестом. Он так давно в театре, что вообще не выходит из образа. Но может, это единственно правильный путь? Играть всегда, играть везде. На то они и актеры. – Ты шикарно подаешь героя. Просто в нужный момент тебе не хватает...

– Опыта? – перебил Рублев. Он был на взводе, а беседа текла слишком неторопливо.

– Терпения, – Василич улыбнулся одними глазами. Причем исключительно ради того, чтобы проверить – не побегут ли вокруг «гусиные лапки». На Колю не смотрел. – Терпения и фантазии. Нет у тебя в жизни опыта, как правильно душировать неверную жену? И слава Богу. Включи воображение! Залезь мысленно в шкуру своего героя, поглубже. Иначе придется пойти по пути Пестровича.

Старый актер вытянул губы «уточкой», посылая воздушный поцелуй своему отражению. Встретился с недоуменным взглядом Рублева.

– Неужто не помнишь? Эх, молодежь... Эммануил Пестрович лет сорок назад блистал в роли Отелло. Народного артиста получил за лучшую игру со времен Шекспира. А знаешь, в чем секрет?

Коля помотал головой. Василич снова улыбнулся – проверить, вспыхивают ли ямочки на щеках.

– Кошек он душил. Ловил на задворках театра и хватил за горло. Сам хрипит монолог мавра... Мы, юные статисты, робко наблюдали издали за тем, как рождается магия настоящего театра. Кошек не жалко, все равно подохнут на помойке. А нужная эмоция ловится на раз-два.

На пороге, обернувшись в три четверти, чтоб оказаться в идеальном ракурсе к собеседнику, Василич подмигнул:

– Но ты, Коля, попробуй сначала пофантазировать!

Минутой позже в дверь гримерки порхнула стайка молодых артистов и увлекла Рублева развезаться. В клуб. По дороге обсудили и пришли к выводу: история про кошек – байка, таких за кулисами любого театра расскажут сотни. А насчет фантазии совет дельный. Почему бы не попробовать?!

И теперь он в тупике. Причем, уже не в переносном смысле. Слева бетонный забор – непонятно где начало, где конец. Справа ямы и какие-то плиты грудой навалены. А за ними вроде сарай покосившийся. Кажется, кто-то мяукнул. Или померещилось? Не мудрено, в его-то состоянии.

Коля вдруг стал видеть звуки – обидные фразы режиссера, словно вырезанные из цветной бумаги, наклеивались на темный картон ночи. Фиолетовый квадрат, символ безнадежности: «Я тебя сошлю в ТюЗ!» или презрительно-желтый овал, похожий на нос льва Бонифация. А еще красный треугольник с очень острыми углами: «Ты даже бабу задушить не можешь!»

Капли подсыхающего клея по краю – так воспринимается отчетливое мяу-мяу. Актер бросился на звук, раздирая всю эту аппликацию в клочья. Дверца сараюшки болталась на одной петле, изнутри выпирали бухты проводов и разодранный тюк стекловаты. Рядом закопошилась куча ветоши, оттуда высунулся бродяга. Едва различимый в тусклом свете луны, но легко узна-

ваемый по отвратительной смеси перегара и запаха давно невымытых подмышек. А вот кошку у него на коленях Рублев разглядел четко: грязно-белая, с черным пятном вокруг левого уха. Судя по общей костлявости, мурка явно орала от голода. Ее глаза горели хищным огнем, как у маленького льва. Льва, которым должен стать он сам.

Но для этого надо овладеть магией театра.

Интересно, хватит ли духа придушить кошку? Сил-то точно в избытке, зря, что ли, по три раза в неделю штангу тягает. Осталось только набраться решимости. Разбудить в себе мавра. Верно говорил Василич... Ее не жалко. Правильная эмоция – великая ценность. Не очередная кнопочка на пульте управления, нет. Это сотни спектаклей, сыгранных на высочайшем уровне достоверности, которые осчастливят и воодушевят тысячи зрителей. Разве с этим сравнится по ценности жизнь помойной твари? Или, если уж на то пошло, жизнь самого бомжа. Будет такой в день премьеры околевать возле театра, никто из зрителей не проверит: дышит ли. Люди в вечерних платьях, дорогих костюмах и близко не подойдут – запачкаться же можно. И те, кто в джинсах, тоже. Максимум, полицию вызовут, чтоб те убрали «мусор». А на дохлую зверюшку и вовсе внимания не обратят...

Рублев сделал пару шагов, заставляя себя не дышать ужасной вонью и схватил кошку за загривок. Та предсказуемо зашипела и попыталась вывернуться. Бродяга же вцепился грязными пальцами в руку актера, провыл хрипловатым сопрано:

– Иииитыыыынаааааааа!

Коля даже кошку выпустил от неожиданности. Хвостатая белой молнией шарахнулась в сторону, игнорируя дальнейшую судьбу хозяйки. Актер присмотрелся получше: точно. Бродяжка-то, выходит, женщина. Хотя нет, женщина – это которая в шелках да шanelях. А здесь... Бесформенная одежда. Опухшее лицо. Дикий смрад. Одно слово – бабища.

Красный треугольник вспорол мысли актера, оставляя пульсирующую полосу. Пульсировала она насмешливым голосом Цукатова: «Ты даже бабу задушить не можешь!»

Бабу.

Задушить.

Бабу задушить!

Бабузадушитьбабузадушитьбабузадушить!!!!!!

Коля в ужасе смотрел на грязные, слипшиеся кудри, неестественно повернутую голову бомжихи и тонкую струйку слюны, текущую по его руке. Но ужас почти сразу вытеснило ощущение непереносимой брезгливости. Актер сорвал несколько пыльных подорожников и принялся тереть ими руки, сдирая кожу наманикюрными ногтями. Потом зачесалось предплечье, локоть. Зуд через ключицу переполз к левой лопатке, словно подталкивая в спину и заставляя бежать. Не разбирая дороги. Выбираться из тупика, пока ноги не подкосились от шока. Бежать!

Хи-хи.

Рублев с трудом разлепил ресницы.

Хи-хи.

В окне кухни разливалось яркое солнце. Бабье лето, последние деньки в раю...

Хи-хи.

Похоже, он уснул не раздеваясь. Сел прямо на пол – между столом и подоконником, обхватил голову руками и баиньки. Верно Кассио говорил: *«Как это люди берут себе в рот врага, чтобы он похищал у них разум?! Каждый лишний стакан – проклят, и его содержимое – дьявол».*

Хи-хи.

А ведь думал, что не заснет. Страшный образ преследовал его всю дорогу. Но мозг, видимо, не выдержал напряжения. Отключился. Спасибо ему за это.

Хи-хи. Хи-хи. Хи-хи.

Достала, кукушка-хохотушка! Часы с миниатюрным клоуном им презентовали коллеги на новоселье. Каждый час он вылетал из домика верхом на традиционной птичке и веселым смехом отсчитывал время. А вместо гирь на цепях висели две театральные маски – улыбочивая и не очень. Режиссер Цукатов, который выбирал подарок от имени труппы, настаивал: чудочасы нужно повесить в спальне. Но через пару дней клоун отправился в ссылку на кухню. Слишком громко веселился спозаранку, спать мешал.

Хи-хи.

Так может это был... сон? Фантазировал спяну, вот кошмары в голову и полезли. Фуууух... Спасительная идея! Камень с души.

Хи-хи.

Сходить и проверить? Мысли снова начали обретать цвет и форму. Всплывали картинки, как брел он, покачиваясь, от монорельса. Мимо гаражей, разрисованных аршинно-буквенными матюками. Как упал, запнувшись о рельсы заброшенной заводской ветки... Найти тот тупик с забором и заброшенной стройкой не составит особого труда... Но зачем? Если это был сон, только время впустую тратить.

Хи-хи.

А если не сон? Предположим. Почти наверняка жертву обнаружил утренний дворник. Вызвал полицию... Спросят: а ты зачем сюда пришел, Коля?! Нет-нет. Все, что было в темноте не стоит тащить на свет. Важно другое: уникальный жизненный опыт. Эмоции, которые актер пропустил через себя и теперь вызовет в нужный момент на сцене! А со временем он сумеет убедить себя: это лишь фантазия. И перестанет терзаться.

Хи-хи.

– Ты встало, пьяное чудовище? – жена вышла из ванной, завернутая в полотенце. – С кем назююкался? Рискуешь, дружок. До премьеры неделя, а у тебя не получается...

– Из-за того и пил... – начал было Коля. Но тут же похолодел от странного подозрения. – А ты откуда знаешь?

Лана не появлялась в театре уже дней пять: пропадала на съемках голливудского блокбастера. По счастливой случайности ей досталась роль дочки русского мафиози. Весь мир увидит ее поцелуй то ли с Томом Крузом, то ли с Брэдом Питтом...

Но откуда ей знать про фиаско мужа?

– Ревнуешь? – обезоруживающая улыбка. В такую можно верить. Хотя, не стоит забывать, жена – актриса.

– Нет, просто интересно, – сказал Коля. Соврал. Тот зверь, что поселился вчера в его душе, высунул свою морду и жадно втянул ноздрями воздух. Ничего, пусть принохивается... Для роли Отелло это дополнительный плюс.

– Смешной. Мне вчера человек пять позвонили из театра. Переживают за тебя, Цукатов же если в кого вцепится – долго потом терзает... Собирайся, нельзя опаздывать.

– Подвезешь любимого мужа до театра? – машину водила исключительно Лана. Они договорились перед свадьбой: каждый покупает автомобиль на кровно заработанные. Жена и купила. У Рублева с тех пор нужного количества денег не было ни разу. Он очень рассчитывал на грядущий успех «Отелло», а пока ездил на общественном транспорте.

Кое-кто скажет: столь рациональный подход не к лицу семьям, где живет настоящая любовь. Знаете что? Кое-кому лучше заткнуться. Коля любил жену. Сильно. Вообще перестал смотреть на других женщин. Это с его донжуанским списком! Пять лет счастливого брака, ни одной измены. Ну, практически.

– Подвезу. Но сначала в душ! От тебя несет, как от бомжа, – сморщила носик супруга. – И надо в аптеку заехать. Аспирин купить. Голова-то болит?

«Несет, как от бомжа»...

Он снова и снова прокручивал в голове вчерашний кошмар. Прислушивался к внутренним ощущениям. Там, внутри, маленькое темное чудовище сыто похрапывало. Его присутствие пугало актера, но с каждой минутой все меньше.

– Не верю! – отчеканил режиссер.

Сам в жизни не сыграл ни единой роли. А других учит.

– Не верю, Коля! – Цукатов потянул руку к подбородку, но потом решил объяснить спокойно. – Ты ее душишь, а сам кривишься. Противно тебе. А должен быть фонтан ненависти. Нельзя на вытянутых руках держать ее шею. Навались, покажи припадок ярости. Чтоб аж руки дрожали!

Рублев мысленно давил на кнопку. Эмоции включались. Но не те. В момент «убийства» на сцене к горлу подкатывала тошнота. Руки дрожали, но совсем по другой причине: страх потерять роль, загубить карьеру и стать посмешищем всего театра перестал маячить далеким облачком на горизонте. Висел прямо над головой огромной тучей. Давил, давил... Но та самая тьма, что затопила его душу до краев прошлой ночью, все не приходила.

– Все свободны, кроме Отелло и Дездемоны, – режиссер уселся поудобнее в любимое кресло. – Будем пробовать, пока не получится!

И они пробовали. Три дня. Цукатов неожиданно гасил свет: требовал играть на ощупь. Заставлял актрису оскорблять партнера последними словами. Разбирал с Колей внутренние противоречия мавра. Кряхтел, сетовал: «Ради чего я это терплю?!»

– Получается. Есть проблески, – хотя голос режиссера вовсе не лучился оптимизмом. – Но, видишь ли, вы, молодые да ранние, торопитесь попасть в кино. А вас там портят. Дают ложную уверенность: если сразу не сыграл, переснимут. Второй дубль, третий. Десятый. Они потом при монтаже выбирают лучший. А в театре ты играешь в режиме нон-стоп. Причем пьесу, которой уже четыреста лет. Сюжет ее знают давным-давно, но смотреть все равно ходят. Деньги в кассу несут! Знаешь ради чего? Зритель хочет сопереживать. А для этого ты должен переживать. Страсть, эмоции... Эх!

Цукатов отмахнулся, как от назойливого комара. Хотя Рублев и не собирался возражать. Актер замер в предчувствии чего-то крайне неприятного. Тут оно и обрушилось.

– Я не имею права рисковать премьерой. Завтра ввожу на главную роль Васю Алмазова. Видел лет пять назад дипломный спектакль, он как раз Отелло играл. Такого зверя в финале выдал – загляденье! Сразу хотел позвать именно его, если бы не моя... В смысле, твоя Светка...

Режиссер смутился, закашлялся. Но Коля не реагировал. Внутреннее чудовище тонуло в океане жалости к самому себе. Барахталось, сучило лапами, но все-таки шло на дно. Возник шанс ухватиться за спасительную соломинку «моя... твоя...» Но Цукатов сломал ее с хрустом:

– Переходишь во второй состав. Ищи себя, наигрывай и докручивай. Буду выпускать на сцену, по возможности, чаще...

Ага. Раз в месяц. По понедельникам. Знаем мы эти вторые составы.

Домой идти не хотелось. Пить тоже. Рублев вышел из трамвая у Останкинского пруда. Купил на остановке пончиков, сел прямо на траву и затосковал. Он успел мысленно перебрать варианты, которые останутся без премьеры. Сериал о военной разведке, где герой погибнет в первой же серии. Два рекламных ролика для телевидения – про геморрой и выборы. Плюс звали озвучить аудиокнигу, но там вообще копейки...

Он решил стать актером, потому что с детства верил: это самый легкий путь к славе и успеху. Усы, шпага, тысяча чертей. Со стороны все кажется простым. Научился петь чисто, двигаться пластично. А потом – шелк! Ты вдруг понимаешь – этого мало. Сотни молодых дарований лезут на гору, толкаясь локтями и не оглядываясь на тех, кого попутно столкнули в пропасть. До вершины добираются единицы. Но даже если ты оседлал перевал – расслаб-

ляться рано. Следом карабкаются новые полчища собратьев по цеху. В детстве бывало, ватага мальчишек возится у ледяного склона. Вскинешь руки и закричишь в полный голос: «Я царь горы!» – потом и в сугроб лететь не так обидно.

А у него не получилось стать царем. Поскользнулся за пару шагов до триумфа. Наверное, потому, что всегда воспринимал актерство только как профессию. Работал от третьего звонка до последнего занавеса. Дальше – тишина. А театром надо жить, круглосуточно ощущая блеск огней рампы.

Вот Василич играет, не переставая, круглые сутки не снимает маску. Создал образ, который нравится и ему, и публике. Сам забыл, наверное, когда расслаблялся и жил по-настоящему. Без оглядки на зеркало. Если магия театра так затягивает, то может бросить все, пока не поздно?!

Или, зачем далеко за примерами ходить, – Лана. Она постоянно «держит зрителя». Паузы, вздохи, мимические этюды. Молоко в магазине покупает, будто сдает у кассы экзамен по актерскому мастерству. Ухаживания будущего мужа принимала лишь в достойных моментах декораций. Вензеля на скатерти, белые голуби... Вспомнилась лодочка на этом самом пруду. Коля тогда признался в любви. Бледнея и экая. А актриса в ответ начала читать стихи...

Имя себе искалечила, чтобы звучало необычно. Разрубила пополам. Свет выбросила, Лану оставила. Фыркала в лицо родной матери, если та вдруг называла ласково, как в детстве – Светуля. Даже мужу запретила подобные вольности. Только Цукатову прощается сей грех. Но он давний друг, помог дотянуться до звезд. Благодаря протекции режиссера и в голливудских титрах появится Lana...

– Дядя Коля!

Актер не обернулся. Не было у него племянниц, да и голос не знакомый. Но кто-то потрепал за плечо.

– Дядя Коля, вы меня не узнаете?

Блондинка. Что-то неуловимо знакомое в ее лице. Смешная щербинка между передними зубами. Он точно ее видел, но где? Когда?

– А так? – девушка стремительным движением собрала волосы в два смешных хвостика. Они топорщились, как луковые перья у мультяшного героя.

– Полинка-Чиполлинка! – актер, вскочил на ноги и сгреб ее в объятия.

Девочка из далекого прошлого. Дочь соседа по лестничной клетке в Новгороде, где родился и вырос корифей столичных театров Николай Рублев. Ладно-ладно, не время для мемориальных досок. Выросла малютка. Уезжал покорять Москву, Полине было лет семь или восемь. А сейчас почти девятнадцать.

– Летит же время!

Гуляли долго. Недоеденный пончик раскрошили и бросили вечно-голодным останкинским уткам. Побродили по парку, обсуждая новости родного городка. Попутно перешли «на ты», хотя Полина сильно смущалась поначалу, но вскоре осмелела и взяла Рублева под руку. Девушка приехала в Москву учиться на стоматолога. Профессия денежная, а выучить надо всего-то тридцать два зуба! Даже меньше, они же растут симметрично.

К дому, где Полина снимала угол у матроны преклонного возраста, подошли за полночь.

– Лифт не работает, а мне на десятый этаж топать, – она все еще держала Колю за локоть и не спешила прощаться.

Ох уж этот его внутренний магнит. Да, если играть только героев-любовников, напрягаться бы не пришлось. Почему ему достался Отелло, а не Ромео?! Было бы проще. Хотя не факт...

Опять задумался. Что там говорит юная красотка? Эй, говорит, о чем задумался... Дрожит на ветру, ночи-то все холоднее. А она в легком платьице. Рублеву не хотелось отпускать девушку. Никакого сексуального подтекста – актер цеплялся за нее, как за лучик из доброго

прошлого. В котором не нужно было заставлять себя жить чужими эмоциями и страдать оттого, что ты недостаточно черен душой для роли мавра.

– Давай провожу до квартиры, – предложил он. – Мало ли, вдруг хулиганы на лестнице поджидают.

– У нас пенсионеры да семейные. Один подъезд. Почти всех знаю, – улыбнулась Полина. Но тут же посерьезнела. – Хозяйка запрещает гостей приводить, чаем угостить не смогу.

Рублев кивал в ответ, но думал совершенно о другом. Хотелось рассказать ей все, вывернуть душу наизнанку – пусть увидит те черные дыры, прожженные из любви к искусству. Пусть рассудит здравомыслящий, нормальный человек: стоит ли оно таких жертв...

Полина ткнула кнопку лифта. Наудачу. Ни гу-гу. Коля мельком прочитал объявление: «Открывайте двери в шахту лифта только убедившись, что кабина находится на вашем этаже!» Антиквариат, их почти не осталось в Москве. Меняют на новые, более надежные и безопасные. Чтобы не рисковать.

Как Цукатов с премьерой...

Почему нельзя выбросить эти мысли из головы?! Хоть на пять минут. Спокойно идти по лестнице, любоваться точеной фигуркой девушки. Которая мурлычет какую-то песенку и после каждого пролета оборачивается. Актер загадал, что Полина поцелует его на пятом этаже. Ошибся. Случилось это лишь на седьмом. Не доходя до площадки с квартирами, вдали от посторонних дверных глазков. Она прижалась всем телом, зажмурилась. Потом выдохнула прямо в ухо Рублева:

– Знаешь, а я ведь с детства в тебя влюблена!

Вот в этот момент Коля решил. Сжал ее руку в своей ладони и шепнул в ответ:

– Я убил человека!

Полина отшатнулась так резко, словно в лицо ударил прожектор. Хотя было наоборот: актер обрушил на нее всю тьму, накопившуюся за последнюю неделю. Сбивчиво, горстями сыпал мысли, страхи, амбиции и страшные факты. Заглядывал в глаза, надеясь обнаружить там намек на понимание или, хотя бы, снисхождение. Рублев верил, что обрел родственную душу, а она...

Отступила на шаг и прижалась спиной к перилам. Вытянула вперед обе руки в защитном жесте.

– Не подходи. Я закричу!

Жесткость, с которой это прозвучало, не оставила иного выхода. Зверь вырвался на волю. Мавританский лев. Эмоциональный переход произошел моментально – в лучших традициях театральной магии. Но актеру было плевать на сценический успех, систему Станиславского и другие иллюзии. Он боролся за собственную жизнь и свободу. Нельзя позволить, чтобы Полина раскрыла его страшную тайну.

Резким рывком Коля крутанул девушку, будто они танцуют танго. Развернул спиной к себе. Обхватил за талию, блокируя руки, сдавливая изо всех сил. Широкой ладонью другой руки закрыл ей рот и нос. Полина невнятно мычала, пыталась вырваться. Вцепилась зубами в его палец, прокусила до крови. Актер, почувствовав ту самую щербинку, чуть не дрогнул...

Она из последних сил боднула Рублева затылком в грудь. Затихла. Повисла на его руках тяжело и безжизненно. Как мокрый чехол от дивана, который ему приходилось выжимать – не было денег сдать в прачечную. Но теперь-то финансовые проблемы позади. Успех не за горами. Ведь не актер сейчас совершил убийство, нет. Это сделал его герой, с которым наконец-то удалось нащупать полный контакт!

В висках перестало гудеть, схлынул адреналин. Жуткое чудовище заползло в ту нору, которую выкопало глубоко в подсознании. Включился разум, у Коли началась вполне понятная паника. Что делать? Шекспир легко решал подобные проблемы. Пишет в конце пьесы: унесите

трупы! И вся недолга. Если откроется дверь квартиры или кто-то выйдет из лифта... Дальше премьеры будут только в тюремном драмкружке.

Точно! Лифт. Не поедет до утра. А двери в шахту открываются на любом этаже. Рублев подтащил тело на несколько ступенек и оказался на площадке седьмого. Дернул серую ручку, потянул створку, – до чего противно скрипнуло, не услышал бы кто. Вроде тихо, никакого шевеления в квартирах. Ни шепотка! Скорее. Скорее...

Он ожидал дикого грохота, которые перебудит всю округу. Погони с собаками. Выстрела в затылок. Обошлось. Никто не заметил актера, когда тот уходил. Дом провожал его пустыми глазницами темных окон. Такая же тьма расплзалась внутри – заполняя сердце, вливаясь в мозг. Поддавшись ее влиянию, Рублев написал жене СМС: «Уговори Цукатова дать мне последний шанс на генеральной репетиции».

А потом разрыдался.

– Не-не-не. Слишком рано, Коля! Слезы, раскаяние и прочая ботва должны быть несколько позже, – огласил Цукатов приговор из своего седьмого ряда. – Но в остальном гениально. У меня аж мороз по коже пробежал. Прекрасная идея – душить Дездемону в черных перчатках. Белый мавр, а его руки делают темное дело. Браво!

Он подкрепил свои слова аплодисментами. У актеров на сцене отпали челюсти: мэтр еще никого не награждал столь щедро. Миг триумфа. Дожили!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.